

Я видел ее профиль на скифских вазах

фото Николая САМОЙЛОВА

Как и все великие актрисы, Мордюкова никогда не обладала артистической внешностью... Наблюдая ее в ее платьях, в привычной актерской среде, где окружающие всегда играли почтение и профессиональное уважение к ней — так свита играет короля, — всегда казалось, тем не менее, что это ее какая-то новая роль. Как все вели-

кие актрисы, она больше представляла не туалеты, а то, что она играет. Да и в жизни она всегда, когда говорила, то никогда не говорила от имени искусства, от имени рафинированной и элитарной части общества. Она как бы всегда держала речь от имени тех простых женщин, которых она играла, от имени трактористов и комбайнеров, машинистов башенных кранов, прачек, врачей и санитарок. От имени того самого народа, кото-

рый пьет, работает, женится, скандалит, иногда мечтает, тихо и незаметно ходит в гроб.

И называется — зрителем. И здесь могут перевернуться самые рафинированные критики, самые изысканные аналитики искусства. Но без этого зрителя в искусстве не бывает настоящей и прочной, устойчивой и всеобъемлющей славы.

Очерк Сергея Есина о Нонне Мордюковой читайте на 8-й стр.

С первой же своей роли, роли Ульяны Громовой в фадеевской "Молодой гвардии", она мощно вошла в наше искусство как народная героиня. Кажется, Довженко писал о ней: "Я видел ее профиль на скифских вазах". Речь идет, конечно, не только о ее удивительной внешности. Но прежде всего именно о ее плотном, земном начале. Она и в первый свой фильм вошла такой тяжелой, земной поступью — ее Уля Громова ходила по земле; всем существом ощущая ее, земли, жизненную твердь. Помните, как она читала лермонтовского "Демона"? Это не было книжное чтение, она, Уля, как бы заново осмысливала, ощупывала эти слова, делала их своими, выстраданными. Она пропускала их сквозь себя.

О творчестве Фадеева говорят — "социалистический реализм". Придавая этому ругательный смысл. На мой взгляд, это просто реализм. Во всяком случае, во всем, что касается самих молодогвардейцев. Было это так или не было — какое это имеет значение? Целое поколение советских людей верили, что это было так, вслушивались в строки Ульяны Громовой о Демоне и знали, что она, такая земная, плотная, по-крестьянски реальная, была и есть. Они верили в ее жизнь и смерть и в то, что смерть ее была продолжением жизни, и потому была прекрасна и возвышенна.

Я не специалист по кино. И потому далеко, далеко не все ее роли мне памятли и знакомы.

Я знаю только, что она истинно русская трагическая актриса. Хотя именно в этом качестве, трагедийном, она очень мало открылась в кино. Может быть, и совсем не открылась. Она, наверное, могла бы открыться на театре, но здесь ей не повезло — не нашлось для нее такого театра.

Смутно уже помню еще один фильм — кажется, это была "Чужая родня" по Тендрякову, где она ходила с большим животом. С ней играл молодой еще тогда Рыбников. А Мордюкова выступала этакой лебедушкой — кажется, так ее в фильме и звали. И живот свой она несла как печать Бога — с достоинством, чуть неуклюже, но печать ласковой, спокойной красоты была в этом.

Тяжко, поистине крестьянской поступью входит она и в фильм "Комиссар".

Помните ее, такую огромную, неуклюжую бабушку, которая "три месяца с коня не слезала"? Кажется, она и в экранные не помещается. А эта ее шинель, в которой она и спит, и ест, и которую под себя стелет, — сколько дорог она в ней исходила, сколько битв перенесла? Первое свое, женское, она надела, когда, слезши наконец с коня, собралась рожать в бедном еврейском доме.

А эти ее роды?

Она и рождает, как земля — тяжело, страшно. Режиссер недаром монтирует эти кадры с эпизодами ратного труда — солдаты в гору тащат пушку. Потом несутся лошади, и бешен их бег. А потом — и это прекрасно! — эти же лошади вдруг все вместе припадают к воде и жадно пьют ее: это фи-

Кульмюра. - 1995. -
25 ноября. - с. 8.

78-87

Я видел ее профиль на скифских вазах

Я сравнил бы ее с тяжелым бомбардировщиком. Да не обидит великую русскую актрису. Она — действительно тяжелый бомбардировщик. В том прекрасном смысле, в каком эти машины сражались за нашу правду хотя бы в Великой Отечественной войне, где они выполняли самую трудную и самую черную работу.

Недаром Нонна Мордюкова бесследно исчезла с нашего экрана, когда из него выветрилась жизненная правда, когда он стал игрушкой для снобов и утратил зрителя. Что было ей делать в этом легковесном мире, она бы раздавила его своим участием, а он не выдержал бы ее простонародной тяжести. Полновесности.

Вот слово и сказано — простонародности. А вернее — просто народности.

нал, она родила.

Когда говорим о Мордюковой и возникают в нашем представлении десятки народных характеров, не маячили ли настойчиво именно этот образ? Может быть, даже вершиной в творчестве феноменальной актрисы? Образ, ставший известным широкой публике уже в середине творческой карьеры актрисы, но бросивший внезапно отблеск на все, что она сделала и делает дальше. Так, среди десятков гениальных произведений Рафаэля есть, скажем, одно, — Сикстинская мадонна, и свет ее падает на все, что сделал художник. У Мордюковой тоже есть такая работа — "Комиссар" в фильме Аскольдова. Работа, утонувшая в недрах мосфильмовских, КГБшных архивов, хранилищ и всплывшая только теперь.

Но это "теперь" будет одной из границ долгих киноведческих споров, в которых неизбежен привкус политической сиюминутной ангажированности: Богородица или некая Лариса Рейснер, просто мать или крестьянка, замороженная идеализмом всеобщего счастья? А может быть, человек, женщина нового времени, сменявшая свою бытовую и гражданскую предопределенность на новую. И, значит, здесь какая-то новая тенденция? Или доворот старой: женщина в революции. Но то были негибкие дамки, вынесенные на гребень событий. А здесь... Здесь другое, здесь какие-то пласты чернозема, здесь сама земля-мать встает, чтобы творить свою новую справедливость... Здесь, пожалуй, одно из художественных доказательств деятельности Русской революции (другой нет) в отличие от Октябрьского переворота. Здесь Деметра, взявшая копье Афродиты. Но русская Деметра и русское копье гражданской войны — маузер.

Но есть еще счастливое предназначение всех богинь на земле — они женщины. На женщин, как и богинь, наступает и обрушивается на них внезапно, независимо — идет ли революция или гражданская война — любовь. И — но-

вый клубок споров вокруг этого фильма, а значит, вокруг персонажа, сыгранного Мордюковой. Мать предала, отдав в чужие руки своего ребенка, или комиссар предал мать? Но хотим мы или не хотим, революция всегда создает новую эпическую реальность. Невозможно, в силу обаяния фильма Аскольдова, отойти от героини Мордюковой, нельзя не вспомнить библейский мир семьи местечкового жестянщика, приютившей женщину у роковой черты. Как в принципе мил и понятен этот мир затянутаго в кожу комиссару — быт и семейное устройство бедных людей так одинаковы. Здесь впервые, как бы выйдя из окопа, спустившись с пропахшего конским потом седла, этот комиссар снова превращается в простую русскую бабу. Эх, остаться бы здесь, шить детскую рубашку при свете керосиновой лампы, купать ребенка, но... Но сначала роды — как смещение земельных пластов, роды новой жизни, мучительные, как долго неразрывавшаяся гроза, роды как таинство и как война. Входил ли в планы Аскольдова и Мордюковой символизм: роды революции и тяжелое вхождение новой жизни? Но символизм есть.

Всего один раз снялась Мордюкова у Никиты Михалкова — но как! Если можно говорить о трагикомедии, то это и есть ее роль в "Родне". Начинается с хохота, да и весь фильм мы хохочем — с того первого эпизода, когда героиня Мордюковой Мария садится в вагон "СВ" со своими мешками, баулами, котомками, в обтягивающей футболке с эмблемой Олимпиады, с "химией" и с железным зубом. Мы смеемся постоянно над всей ее манерой, походкой, над тем, как она движется в тесной, дурацкой, завешанной побрякушками квартире своей дочери. Над тем, как она общается со своей замороченной городской внучкой.

А как оглушительно мы хотим над ее пляской с затемнившим Тасиком в ресторане! Это такая сокрушительная, отчаянная пляска, в которой на-

до, конечно, иметь такого партнера, как Юрий Богатырев.

Вот так и просматривались мы весь фильм, а потом спохватились — над чем смеялись? Ведь это страшная история отторжения человеческой души от всего, что ей близко и дорого, — от Родни. От дочери, которая профукала себя в этом городе. От бывшего мужа, который спился и стал механическим существом. Даже от внучки, которая ее, бабушку, не слышит, потому что так ни разу и не сняла с головы стереофонических наушников. От этого дурацкого зятя, который помешан на своих деревнях. От всех и от всего. И нас не угомонит песенный финал фильма, когда они трое, мать, дочь и внучка, идут по рельсам вроде бы в родную деревню — это элегия. Сказка.

Как и все великие актрисы, Мордюкова никогда не обладала артистической внешностью... Наблюдая ее в ее платьях, в привычной актерской среде, где окружающие всегда играли почтение и профессиональное уважение к ней — так свита играет короля, — всегда казалось, тем не менее, что это ее какая-то новая роль. Как все великие актрисы, она больше представляла не туалеты, а то, что она играет. Да и в жизни она всегда, когда говорила, то никогда не говорила от имени искусства, от имени рафинированной и элитарной части общества. Она как бы всегда держала речь от имени тех простых женщин, которых она играла, от имени трактористов и комбайнеров, машинистов башенных кранов, прачек, врачей и санитарок. От имени того самого народа, который пьет, работает, женится, скандалит, иногда мечтает, тихо и незаметно сходит в гроб.

И называется — зрителем. И здесь могут перевернуться самые рафинированные критики, самые изысканные аналитики искусства. Но без этого зрителя в искусстве не бывает настоящей и прочной, устойчивой и всеобъемлющей славы.